

## В ОЖИДАНИИ ЧУДА: РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ КРЫМСКИХ СОБЫТИЙ Беседа политолога Эмиля Паина и социолога Льва Гудкова

---

**Э.А. Паин**

*Национальный исследовательский университет —  
Высшая школа экономики,*

**Л.Д. Гудков**

*Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)*

---

**Аннотация:** Журнал «Политическая концептология» публикует беседу политолога Эмиля Паина и социолога Льва Гудкова о переменах в российском обществе и во власти после крымских событий. Основным мифологемам, возникшим в российском обществе по поводу ситуации в Крыму, учёные противопоставляют оценки реального состояния российского общества, опирающиеся на недавно завершившееся их совместное исследование.

**Ключевые слова:** Крым, русская власть, политическая демобилизация, политическая пропаганда.

### *Конец политической демобилизации*

**Эмиль Паин:** Сегодня мы обсуждаем результаты нашего совместного исследования («Левада-Центра» и моей исследовательской группы из НИУ ВШЭ) под названием «Основные идеологические движения в Рунете и их перспективы в политической жизни России (до 2017 года)». Мы затеяли это исследование для проверки тех данных, которые получили в ходе исследования российской блогосферы и определения того, в какой мере выделенные нами четыре идеологические группы (левые, либералы, националисты и традиционалисты — сторонники власти) представлены за пределами интернет-аудитории.

Мы начинали исследование в одну эпоху, а обсуждаем его совсем в другую. Формулируя гипотезу исследования, мы исходили из того, что живём в эпоху политического безвременья и политической демобилизации населения, которые к тому же специально поддерживаются властью имущими. Это давало им немалые выводы, поскольку блокировало растущее социальное и политическое недовольство. Вот уже несколько лет число россиян, выступающих с критикой партии «жуликов и воров», превышает половину населения страны, но управляе-

мая демобилизация населения значительно компенсировала этот фактор и сокращала возможность крупных брожений и потрясений.

И вдруг произошёл переворот политической стратегии, вместо демобилизации людей подвергли беспрецедентной идеологической накачке, мобилизации. И что любопытно — наш опрос был проведён в начале марта...

**Лев Гудков:** Прямо в разгар пропагандистской кампании...

**Эмиль Паин:** Да, именно, и всего за несколько дней до объявления о вхождении Крыма в состав России. И что нам показал наш первый результат? Мы ведь боялись, что все идеологические группы, которые мы предварительно выделили после исследования интернет-аудитории, не превысят 10% населения. А они в совокупности составляют почти половину респондентов. Таким образом, половина общества все ещё в дреме и только наблюдает за событиями по телевизору, а другая половина мобилизуется, определившись, в большей или меньшей мере, с идеологическим выбором.

Но в результатах опроса меня поразила «шизофреничность» массового сознания, его вопиющая, на мой взгляд, раздвоенность. Относительно наибольшая доля респондентов — 40% — хотела бы видеть Россию в будущем «такой, как развитые страны Запада». Причём, как показывают результаты других опросов вашего же центра, этот выбор модели будущего, в которой Запад выступает как идеал, сохраняется на протяжении многих лет и превосходит по популярности все остальные модели почти в два раза.

**Лев Гудков:** Да, это устойчивый показатель. Максимум он достиг ещё в 2007 году — 50%.

**Эмиль Паин:** Да, но, с другой стороны, мы видим, что столько же (40%) респондентов с разной степенью положительности (от симпатии до восхищения) относятся к Сталину. Комплекс других ответов на вопросы нашей анкеты позволяет охарактеризовать жителей России (но не Москвы) как все ещё советских людей. И каким образом это сочетается с выбором западного общества как идеальной модели?

**Лев Гудков:** А почему ты считаешь эти показатели шизофреническими? Это обычное, «нормальное» для массового сознания состояние «мещанины», взвесь разных по своему происхождению стереотипов, мнений, осколков идеологических представлений. Не будучи актуализированными, они составляют ресурс социального воображения, своего рода тезаурус, словарный запас массы или больших групп населения. Они могут упорядочиваться и приходить в какое-то подобие системы, когда общество по тем или иным причинам приводится в «возбуждённое» состояние, то есть когда затрагиваются значимые интересы, материальные (стабильности существования) или идеальные (коллективной идентичности, престижа, гордости и проч.).

Тогда отдельные группы стереотипов, клишированных суждений актуализируются в ответ на тот или иной вызов или провокацию, инициированную СМИ, пропагандой, властями или какими-то чрезвычайными событиями. До момента «включения» эти разнородные представления могут спокойно уживаться в одной голове (что с точки зрения человека, получившего университетское образование и воспитанного в формально-рациональной логике «исключения третьего»), есть полный абсурд и вещь недопустимая, ненормальная, «шизофреническая»). Но, как только включается некое «силовое поле» внешнего идеологического воздействия, эти представления немедленно конфигурируются в определённую схему, как железные опилки на листе бумаги, когда к ним снизу подносят магнит.

Каждый из подобных вариантов ответа играет определённую функциональную роль, а это означает, что подобные ответы имеют смысл только в определённой плоскости или в определённых смысловых рамках. Позитивные оценки советских вождей и даже всей советской системы, то, что обычно расценивается как «ностальгия» по СССР, совсем не означает какого-либо желания вернуться в советское прошлое или возможности поворота политического курса. Это означает, что идеализированный образ советского прошлого выступает осно-

ванием для критики современного состояния вещей, по-другому выразить недовольство существующим положением вещей массовое сознание не может. Оно вначале рисует образ того, как это должно быть исходя из подправленного образа прошлого, а затем оценивает существующее положение вещей. Дескать, раньше была бесплатная медицина, доступное образование, гарантированная работа, доступное жилье, сейчас за все надо платить, сейчас — все чиновники воруют, чудовищная коррупция, а тогда — был порядок, в таких размерах не брали и т. п.

Но отсылка к прошлому в этом случае обязательна, поскольку нет авторитетных фигур и общественных сил, которые могли бы наметить желаемое будущее, цели развития. Потому мы те или иные наборы мнений и называем «комплексами» представлений, что составляющие их элементы нельзя рассматривать по отдельности, это более сложные структуры, регулирующие (сортирующие, управляющие, оценивающие) другие наборы мнений и взглядов. В массовом сознании, как правило, все идеологические ориентации и взгляды сочетаются, переплетаются между собой в самом причудливом виде. Допустим, вот вы выявили при анализе интернета чёткие и как бы непротиворечивые типы идеологических установок: русские националисты, левые, европейски ориентированные либералы и путинисты, сторонники нынешнего «национального лидера».

Все вместе они характеризуют или описывают идеологические представления примерно половины всего населения (в зависимости от жёсткости предложений респонденту идентифицироваться с этим установками — от 43 до 55%. Но, что важно, среди тех, чьи взгляды мы характеризуем как «русский национализм» (это самая большая группа), треть поддерживает и лозунги «за европейский выбор России» и треть же — «Путин — наша сила», четверти из них близки лозунги и идеи левых («Вся власть Советам», «Даёшь прямое народовластие!») и т. п.).

То же самое, если мы будем смотреть на тех, кто может быть идентифицирован прежде всего как ярый «путинист»: и среди них оказывается повышенной доля «националистов» или «левых», есть и «европейцы», хотя и в незначительном числе. Другими словами, авторитарный синдром находит свое выражение в определённых идеологических формах или связан с определённым типом социальной личности. Если же мы возьмём более жёсткие процедуры идентификации идеологических ориентаций, то размывание определённости самоотнесения или увеличение связей между разными (с нашей точки зрения) идеологическими ориентациями будет лишь усиливаться.

**Эмиль Паин:** Тем не менее четверть века постсоветского времени не прошло бесследно: мы видим по нашему опросу явную рационализацию сознания, особенно у москвичей. Здесь западную модель будущего выбрали 52,2% респондентов, а людей, симпатизирующих Сталину и тоскующих по советским временам, почти вдвое меньше, чем в общероссийской выборке.

**Лев Гудков:** Да это так, хотя, как мне кажется, следует принять во внимание модальность этого выбора. В очень большой степени «европейский выбор» — это маниловские грёзы, мечтательное представление о том, как хотелось бы жить. А вот как это сделать, это никому не понятно или люди не хотят понимать, принимать на себя ответственность за свое будущее, участвовать в политике, добиваться чего-то.

Напротив, общее мнение сводится к тому, что, конечно, демократия (правовое государство и тому подобные приятные вещи) — наилучшая модель или образец для России, только хотелось бы, чтобы за нас кто-то ее осуществил. Вряд ли этих людей в целом можно считать «либералами» в узком смысле слова. Поэтому более распространённая неспособность сделать собственную жизнь по западному образцу оборачивается обвинениями в адрес Запада: «А не больно и хотелось!», «У нас особый путь».

*«По щучьему велению»*

**Эмиль Паин:** Действительно, есть глубинные проблемы культуры, закодированные в образе сказочного героя Емели, сидевшего, как известно, на печи и приговаривавшего: «По моему хотению, по щучьему велению». И когда «по моему хотению» не получается, а какая-то внешняя «щука» не помогает, начинает работать идеология «осаждённой крепости». Сегодня 26% населения уверены, что Россия окружена врагами, а ведь 25 лет назад так считали всего 4% жителей страны. Треть населения сейчас полагает, что у страны, вставшей на путь возрождения, всегда найдутся враги. Это же снова тот сталинский лозунг о росте числа врагов народа по мере продвижения к коммунизму, который предшествовал террору 1930-х годов и обосновывал его.

**Лев Гудков:** И если мы посмотрим по социально-демографической раскладке ответов на вопросы (по возрасту, образованию, месту жительства респондентов и т. п.), то так считают несколько чаще других именно молодые и хорошо образованные люди.

**Эмиль Паин:** До недавнего времени была очень популярна политологическая «догма»: развитие рынка будет способствовать увеличению доли среднего класса, росту образованного населения, что в результате и приведёт к демократии. А что получилось в реальности? Со всем наоборот. И это требует объяснения.

**Лев Гудков:** Во-первых, сделаем поправку на специфику нашего так называемого «среднего класса», который радикально отличается от того, что под этим понимается в западных социальных науках. У нас другие принципы социальной морфологии, другие основания для стратификации — в эту категорию попадают гораздо больше госчиновников, государственно зависимых служащих, бюджетников с их патерналистским и державным типом сознания. А во-вторых, следует учесть интенсивность нынешней пропаганды. И, в-третьих, это сознание униженности и беспомощности, уязвимости существования основной массы людей, включая и более зажиточную и экономически благополучную часть.

Пропаганда никуда не убрала и никуда не дела представления о коррумпированном режиме, несмотря на растущие в последние месяцы показатели одобрения Путина (в январе — 50%, в начале марта — 72%, в конце марта — 80%). В этом смысле существующий мобилизационный подъём пока не затронул общественное мнение о характере режима. В представлении населения большинство российских политиков как были, так и остаются алчными, коррумпированными, бессовестными, лживыми и неумными людьми, ставящими себя над законом, не уважающими обычных граждан. Одобрение касается действий высшей власти и только в отношении Крыма. Реанимация имперских настроений, торжество силы, этическая глухота по отношению к Украине — это компенсаторная реакция на хроническое состояние отсутствия самоуважения у людей, превращённое сознание, что да, конечно, по отношению к ним власть относится как к бессловесному ресурсу, но зато «Россия — великая держава» и мы можем заставить кого хочешь слушать нас и подчиняться нам. Поэтому, если посмотреть данные нашего последнего опроса, присоединение Крыма к России свидетельствует прежде всего о «возвращении ее традиционной роли великой державы», утверждающей свои интересы на постсоветском пространстве» (так считают 79%!)). Отношение к Майдану — резко негативное. Причём самое негативное среди образованных москвичей.

**Эмиль Паин:** Сегодня на волне этого пропагандистского успеха выстраивается идеология, которая, кстати, по большому счёту уже давно придумана Дугиным, Лимоновым и Прохановым. В основании лежит идея о том, что 1991-й год был предательством и его необходимо отыграть обратно через расширение территории России и защиты русского населения. Но к чему это в результате приводит? Перед началом исследования нам казалось, что самой большой, доминирующей группой будут сторонники действующего президента. Ожидания подобного результата только усилились, когда президент «подарил» населению Крым. Но ничего подобного. Люди, поддержавшие лозунги «Путин — наша сила!», «Путин наша наде-

жда!», «Кто, если не Путин?» и другие, характерные для безусловных сторонников нынешней власти, согласно нашему исследованию, занимают только третье место (13%) после националистов (27%) и левых (18%), превосходя только либералов (10%).

Итак, на первом месте оказались те, кто поддерживает лозунги националистов. О быстро растущей их популярности мы с тобой говорили и раньше, но сейчас эта группа сделала большой скачок. Национализм, который так ругали на Украине, у нас оказывается не менее популярным. Пропаганда дала поддержку не столько Путину, сколько этническому национализму, взвинтив и без того высочайший уровень фобий и тревожности.

Но пока государственная пропаганда говорит о том, что современная державническая идеология может стать источником модернизационного прорыва. Есть ли под этим какие-нибудь основания?

**Лев Гудков:** Этот патриотический тренд будет иметь слабеющий, но длительный характер — 8–10 лет. Если не будет каких-то экстраординарных событий — внезапного экономического развала, кампании массового террора или что-то в этом роде.

**Эмиль Паин:** Это важно зафиксировать и уточнить. Сейчас в либеральных, вестернизированных кругах многие говорят о том, что пришёл конец нынешнему режиму. Но я с тобой полностью согласен, что у него есть ресурс не на месяцы, а на годы. Один знакомый написал мне: «Патриотической агитации хватит на полгода, через дырки в карманах она быстро утекает». Звучит хлётко, но кто доказал, что эти дырки появятся уже через полгода?

Известно, что экономические санкции, которые Запад вводил даже против маленьких стран, не оказывали того воздействия, на которое он рассчитывал. Это были обычно серьёзные ограничения для экономики, а что уж и говорить о тех диетических санкциях light, которые пока применяют к отдельным российским гражданам и организациям? Большее влияние на российскую экономику, несомненно, окажет постепенная переориентация Европы на альтернативные российским источники энергоснабжения. Однако такая переориентация вряд ли станет тотальной и займёт не меньше трех-четырёх лет, при этом известно, что санкции, «размазанные» во времени, всегда менее болезненные, чем залповые. К постепенным ухудшениям экономических условий легче адаптироваться, привыкнуть и найти какие-то частные альтернативы, ослабляющие ощущения дискомфорта. К тому же в руках государства остаётся пропагандистская машина и возможность навязать свою интерпретацию причин неурядиц и даже направить недовольство в свою пользу.

**Лев Гудков:** Пропаганда влиятельна, но не всесильна. Власти большой поддержки на весь этот период она не принесёт. Представление о коррумпированности власти не изменится. Сегодняшний рост массового национализма — это неудовлетворённость предыдущей политикой, а также и одобрение нынешних внешнеполитических чрезвычайных действий, которые по определению не могут лежать в основании длительной политики. А вот высокий показатель поддержки идеологии левых — это демонстрация популярности государственного патернализма в различных его вариациях: от сталинской до «шведской». Но и это несёт в себе сильную критическую компоненту по отношению к власти.

**Эмиль Паин:** Согласен, и у меня нет сомнения в том, что нынешний патриотический подъем не станет для властей ресурсом не только для экономического прорыва, но и для замедления развивающейся рецессии. Сохраняется главный тормоз всего социально-экономического развития — архаичная институциональная система, в которой иерархия бизнес-элит, кланов, различных разновидностей кооператива «Озеро» задана их личными связями с иерархией власти. Такая система не только порождает коррупцию и обуславливает гигантские издержки (разворовывание) бюджетных средств в ходе любых государственных проектов, она ещё и парализует стимулы к развитию. При такой институциональной системе ожидания академика Глазьева и близких к нему экспертов на экономический рывок России — это абсолютное мифотворчество.

Но и надежды части либералов на быстрое затухание нынешнего политического режима — это тоже миф. Крайние суждения всегда далеки от истины. При этом хочу отметить заметное сходство культурных оснований для выдвижения противоположных идей в быстро политизирующемся российском обществе. В обоих лагерях оппоненты опираются не на расчёты, они надеются на чудо.

Вернусь к надежде тех либералов, которые характеризуют нынешнюю ситуацию как «агонию режима». Сугубо теоретически можно предположить (хотя реальных оснований для этого пока нет), что социальное недовольство в России через пару лет после 2014 года по своим масштабам сравнится с тем, которое фиксировалось в начале 2005 года, в ходе протестов против так называемой «монетизации льгот». Ну и кто же сможет оседлать это недовольство? Уж во всяком случае не либеральные силы. Дело не только в том, что уровень поддержки их идеологов и политических лозунгов ниже всех других выделенных нами течений. Ещё важнее, что либеральное сообщество — это самая разобщённая группа.

**Лев Гудков:** Если посмотреть на наши результаты, то больше всего к самоорганизации способны и желание проявляют левые, а либералы склонны к этому меньше всего. В этом основная слабость современной оппозиции.

Думаю, в ближайшие два года мы будем переживать негативные последствия сегодняшнего великодержавного подъёма.

***Это не революция:  
власть прежняя — формы самосохранения новые***

**Эмиль Паин:** Для того чтобы оценить долгосрочность и реальный потенциал нынешней психологической мобилизации россиян, я предлагаю сравнить ее с тремя известными в истории моделями массовой мобилизации: коммунистическая мобилизация 1920–1930-х годов; национал-социалистическая мобилизация в Германии в 1930–1940-е годы и религиозная мобилизация в Иране в 1978–1980-е годы.

**Лев Гудков:** Согласен. Мне в момент разгара пропагандистской кампании показалось, что мы имеем дело с рецидивом тоталитаризма, ну, скажем, в его «мягком» итальянском или франкистском варианте. Действительно, имеет место монополия на основные СМИ, превращённые уже из информационного канала в инструмент тотальной пропаганды и обработки общественного мнения. Далее, полный контроль над политическим полем, огосударствление общественных организаций и сращение государственного аппарата с партийными, лояльными администрация Кремля. Но несколько остыв, я изменил свое мнение и не думаю, что сегодня в России проявился тоталитаризм. Ведь на самом деле идеологии у режима нет. Те суррогаты, которые мы принимаем за идеологию, являются фантомами традиционализма, искусственного, придуманного. Неслучайно мы вспоминаем о Дугине, Проханове и Лимонове. Это означает, что власть берет созданные не ею идеи, для воплощения которых только использует свой административно-организационный ресурс.